

А. С. Андреев¹
A. S. Andreev

**Процессы «демократического транзита»
в Латинской Америке в конце XX -
начале XXI века и левые силы региона
The processes of “democratic transition” in
Latin America in the end of the XX - begin-
ning of the XXI century and leftist forces of
the region²**

Аннотация: Процессы демократического транзита захватили латиноамериканский регион с середины 1980-х гг. – начала падения военных диктатур и возврата к гражданскому управлению. Эти процессы направлялись и организовывались левыми силами, которые не только вели вооруженную борьбу с диктатурами, но и приняли участие в восстановлении ключевых политических институтов – выборов, судов, в принятии новых конституций. В настоящей статье на основе архивных материалов, материалов СМИ, мемуаров показаны особенности участия латиноамериканских левых сил в демократическом транзите, определено их место в сформированных политических структурах в контексте наследия Коминтерна и новых возможностей.

Ключевые слова: демократический транзит, Коминтерн, левое движение, коммунистическое движение, военные диктатуры.

¹ Андреев Антон Сергеевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ Anton S. Andreev – PhD., St. Petersburg University. (a.s.andreev@spbu.ru)

² Статья подготовлена по гранту РФФИ 19-18-00305 «Коминтерн и Латинская Америка: исторические традиции и политические процессы»

Abstract: Democratic transition processes manifested in the Latin American region since the mid-1980s. – the period of the beginning of the “fall” of military dictatorships and the return to civilian control. These processes were directed and organized by left-wing forces, which not only participated in struggle against dictatorships, but also took part in the restoration of key political institutions - elections, courts, and the adoption of new constitutions. This article, based on archival materials, media materials, memoirs, determines the features of the participation of Latin American left forces in the democratic transition, their place in the formed political structures in the context of the legacy of the Comintern and new opportunities.

Key words: democratic transit, Comintern, leftist movement, communist movement, military dictatorships.

DOI: 10.32608/2305-8773-2021-29-1-126-146

Возвращение гражданского управления в странах Латинской Америки в 1980-нач. 1990х гг. поставило перед экспертами вопрос о сущности и характере демократизации в странах региона. Распад СССР, формирование новых государств на постсоветском пространстве также подтолкнуло политологов к размышлениям о том, возможно ли универсальная форма демократического транзита, есть ли общие черты в переходе от авторитарной к демократической форме правления, существуют ли национальные и региональные сценарии демократизации. В это же время среди экспертов стала формироваться теория демократизации – «транзитология», – призванная дать теоретическое осмысление общемировым процессам конца XX в., воссоздать сценарии демократизации, показать региональные, субрегиональные, национальные модели трансформации политических институтов, политической власти и акторов политического процесса в период демократического транзита³. Эти вопросы были характерны и для Латинской Америки, где в 1980-1990е гг. прошла очередная волна перехода от военных диктатур к гражданскому управлению.

Проблемы демократизации Латинской Америки поднимались в трудах российских и зарубежных экспертов. В частно-

³ Мельвиль, 2000. С.337-368.

сти, следует отметить монографию «Латинская Америка: испытание демократии. Векторы политической модернизации»⁴, публикации Л. В. Дьяковой⁵, З. В. Ивановского⁶, Н. Ю. Кудяровой⁷, К. А. Коноваловой⁸, Т. Е. Ворожейкиной⁹ и др. В их работах предприняты попытки описания итогов процесса демократизации в отдельных странах региона, итогов конституционного строительства, результатов эволюции отношений военных и гражданских сил, перестройки партийно-политических систем отдельных стран региона. В целом российские эксперты обращают существенное внимание на государственное строительство, изменения в системе публичной власти, на влияние демократизации на политические институты. Латиноамериканские ученые (Х. Аларкон Пуэнтес¹⁰, Х. Кампо¹¹, О. Гонсалес-Силен¹² и др.), иначе анализируют демократический транзит в странах региона, делая акцент на факторах и участниках этого процесса, показывая, что процесс демократизации стран региона стал результатом целой совокупности внутренних и внешних факторов – экономических кризисов, молодежного, женского рабочего движения, роста влияния социалистических, капиталистических партий, городской герильи, идеологического раскола внутри правивших военных группировок. Демократизация рассматривается не как результат в контексте государственного строительства, а как общественная потребность, порыв самых разных общественных и политических сил, объединенных общими ценностями и идеалами.

Все эксперты приходят к выводу, что ко второму десятилетию XXI в. страны Латинской Америки становятся примером демократического развития, имея развитые электоральные институты, легитимные органы власти, развитую систему разде-

⁴ Чумакова, 2009.

⁵ Дьякова, 2016.

⁶ Ивановский, 2009.

⁷ Кудярова, 2019.

⁸ Хейфец, Коновалова, 2017.

⁹ Ворожейкина, 2001.

¹⁰ Alarcón Puentes, 2016.

¹¹ Campo, Crowder-Taraborrelli, 2018.

¹² Gonzalez-Silen, 2018.

ления властей, правовую базу, ориентированную на ограничение полномочий гражданских и военных лидеров для недопущения узурпации власти в руках одного человека или одной политической силы.

При этом исследовательской проблемой остается характеристика участия левых сил региона в процессах демократического транзита, отражение наследия Коминтерна и традиций национального коммунистического движения в стратегии и тактике левых сил региона в борьбе с диктатурами в 1980-е гг. Безусловно, эта тематика уже поднималась латиноамериканскими авторами, но в их публикациях не нашла должного отражения довоенная история латиноамериканских левых, преобладание в организации борьбы с правой угрозой и военными режимами, роль левых сил, их идеологии, практики сотрудничества в процессах демократизации. Цель данного исследования – показать место и роль левых сил Латинской Америки в процессах третьей волны демократизации в контексте наследия Коминтерна.

Коминтерн и борьба с правой угрозой в Латинской Америке в 1920-1930 гг.

Участие левых сил в процессах демократизации политических режимов началось еще в начале XX в. Анализ политической истории Уругвая, Аргентины, Чили показывает, что формировавшиеся в 1910-е гг. левые силы – социалистические, а затем коммунистические партии, – постепенно становились активными участниками формирования рабочего законодательства страны, реформирования законов о стачечном движении. В частности, в Уругвае именно левое крыло традиционной партии «Колорадо» стало одним из авторов социального реформизма президента Хосе Батлье-и-Ордоньеса¹³ (1903-1907, 1911-1915), который в том числе получил поддержку рабочих организаций и части профсоюзов¹⁴. Нарастание политического потенциала, электоральной базы левыми силами, увеличение их числен-

¹³ Иванов, 2017.

¹⁴ Nahum, 1975. P. 27.

ности, политической узнаваемости подталкивали правительства стран региона к пересмотру законодательства, социальным реформам.

Аналогичные процессы шли и в Аргентине, где формирование рабочего движения и марксистских организаций шло одновременно с формированием Гражданского радикального союза (Unión Cívica Radical, UCR), который так же придерживался умеренно-левых взглядов. Рост левого движения привел к реформированию рабочего законодательства, либерализации избирательного процесса, а лидер UCR Иполито Иригойен смог в 1916 г. занять пост президента страны¹⁵. Развитие левого движения, формирование коммунистических групп, рост рабочего движения вынуждал проводить реформы и правительства «старой республики» в Бразилии.

Присоединение ведущих компартий континента к Коминтерну в 1920-е гг. изменило отношение левых сил к правой угрозе, изменило стратегию и тактику левых, а также скорректировало их место и роль в национальных политических ландшафтах. С принятием III Интернационалом установки на борьбу с «социал-фашизмом», «правым уклоном» на смену диалогу пришло противостояние: компартии отказывались от совместных акций с социалистами, оказываясь часто один на один перед национальными правительствами, желавшими взять под контроль рабочее и профсоюзное движение. Разобщенность левых сил, их внутренняя борьба за влияние среди рабочих организаций, борьба между собой за голоса избирателей, организация собственных протестных акций и забастовок, обвинения в адрес друг друга в предательстве интересов рабочих позволяли правительствам держать под контролем общественное движение. В то же время под влиянием III Интернационала менялась структура, тактика и стратегия левых во всем регионе¹⁶.

Изменения политической конъюнктуры к 1920х – нач. 1930-х гг. привели к формированию иных тенденций: несмотря на заявленный Коминтерном в 1928 г. курс на «левый поворот»¹⁷,

¹⁵ Казаков, 2009.

¹⁶ Хейфец, Хейфец, 2018.

¹⁷ Хейфец, 2017.

принятый всеми компартиями региона¹⁸ и приведший к очередным внутренним конфликтам в компартиях региона (например, к публикации «открытого письма» руководителей ЦК компартии Уругвая, встретившей непонимание как внутри партии, так и в Коминтерне¹⁹), левые силы понимали необходимость объединения усилий в борьбе с нарастающей правой угрозой.

С начала 1930-х гг. национальные секции Коминтерна в Латинской Америке оказались в центре политической борьбы с военными диктатурами. Приход к власти в Уругвае Габриэля Терры (1931), в Аргентине – Хорхе Урибуру (1930), феномен Социалистической республики в Чили (1932), кризис 1930 г. в Бразилии, кубинская революция 1933-1934 гг. вынуждали левые партии страны активно участвовать в борьбе за власть, которая в условиях роста правой и националистической идеологии превращалась в борьбу за выживание. В частности, политика Г. Терры в Уругвае привела де-факто к ликвидации компартии – из тысячи человек, которыми она располагала к 1928 г., на свободе к 1933 г. оставались порядка 200 членов, остальные же преследовались полицией и оказывались в тюрьмах²⁰. Схожая участь постигла Социалистическую партию и анархистские профсоюзы, которые были вынуждены перейти на подпольную нелегальную работу. Аналогичные процессы происходили и в Аргентине, где компартия, организовав нелегальную работу, оставалась заметным организатором сопротивления военной хунте.

На фоне внешних угроз Коминтерном был поднят вопрос о единстве левых сил и тактике Народного фронта, озвученной на VII всемирном конгрессе²¹. До этого в 1934 г. проблема объединения усилий коммунистических и социал-демократических партий была поднята на третьей конференции компартий Латинской Америки. Однако и новая идеология не принесла ожи-

¹⁸ Шульговский, 1967.

¹⁹ Андреев, 2015.

²⁰ Доклад об Уругвае, 13 мая 1937 г. – Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 20. Д. 400. Л. 1.

²¹ Хейфец, Хейфец, 2014.

даемых результатов²²: в Уругвае компартия осознанно заблокировала проекты создания единого профсоюзного центра, настаивая на том, что он должен создаваться под ее контролем и с ее влиянием, а затем последовательно отвергала предложения PSU о совместных действиях, вновь апеллируя к своему статусу и настаивая на своей ведущей роли в политических процессах²³.

Связь компартий с Коминтерном помогала им в материальном и организационном плане, но в то же время имела и негативные последствия: анархисты и социалисты обвиняли компартии в том, что они действуют не в интересах местных рабочих, а в интересах Москвы, выступая в качестве иностранных агентов, не выражающих интересы крестьянства и пролетариата²⁴. Это обстоятельство также мешало объединительному процессу левых, которые оказывались наедине с реакционными правительствами.

Опыт 1920-1930-х гг. показал, что эффективная борьба с правой угрозой возможна лишь в условиях единства левых сил, которого крайне тяжело добиться не только из-за внешних факторов (установок Коминтерна), но и из-за глубоких противоречий внутри как отдельных партий, так и левых сил в целом. Компартии Аргентины и Уругвая, сформировавшиеся в результате раскола внутри социалистических партий, не были готовы преодолеть прошлые обиды. Партии оказывались не союзниками, а конкурентами в борьбе за места в парламенте и влияние в профсоюзных, молодежных, женских и крестьянских организациях, что расплывало их усилия в борьбе с правыми режимами. В то же время в этот период были сформированы латиноамериканские черты борьбы за демократизацию: существенная роль профсоюзов и временных союзов, а не политических партий; множественные «объединительные» проекты, которые становились временной площадкой для сотрудничества самых разных партий и идеологий для достижения конкретных политиче-

²² Андреев, 2014.

²³ Отчет Эухенио Гомеса о положении в компартии Уругвая, май 1937 г. – РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 400. Л. 7.

²⁴ Письмо Эухенио Гомеса в адрес Исполкома Коминтерна, 1928 – РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 131. Д. 10. Л. 117.

ских целей; ориентация левых партий на европейский опыт, опыт европейских коммунистических и социал-демократических групп; разрозненность коммунистических сил, возможность существования в одной стране нескольких компартий и комгрупп, боровшихся за «внимание» Коминтерна; приверженность мирному противостоянию, использование вооруженной борьбы в исключительных случаях; существенное значение молодежных и студенческих организаций в протестной борьбе, организации митингов, забастовок. Важной особенностью левых стал и «регионализм» – рассмотрение будущего революции в континентальном и региональном аспекте, сотрудничество левых сил и организаций, солидарность левых партий континента.

Левые силы Латинской Америки и борьба с диктатурами 1970-1980х гг.

Послевоенные годы показали, что правая угроза в Латинской Америке оставалась существенной политической проблемой. Экономические и политические процессы 1950-1960х гг., особенно кризисные явления в национальных экономиках, привели к появлению в регионе новых режимов – Хуана Доминго Перона в Аргентине (1946 – 1955, 1973 – 1974) и Альфредо Стресснера в Парагвае (1954 – 1989), которые имели разную идеологическую базу, но при этом выступали в качестве вызова для традиционных левых сил страны. Кризисные явления в экономике стали причиной общественных волнений в Уругвае и развитию городской герильи – Тупамарос²⁵, преследовавших представителей политической и финансовой элиты страны, а гражданское противостояние и политический кризис привел к власти в 1973 г. военного Педро Бордаберри, ставшего первым президентом эпохи военной диктатуры (1973-1984). Аналогичные процессы происходили и в Чили, где в 1973 г. произошел государственный переворот, приведший к власти полковника Аугусто Пиночета (1974 – 1990).

В этот период левые партии, находившиеся во многих стра-

²⁵ De Giorgi, 2011.

нах на нелегальном положении, вновь были вынуждены принять на себя роль организаторов сопротивления. При этом необходимо отметить, что левые силы по-своему воспринимали процесс демократизации. Большинство левых партий и организаций имело скорее тактические, а не стратегические цели, борясь за прекращение ограничений рабочего движения, свободу профсоюзов, свободу собраний и т.д. Идеалы либеральной демократии либо вообще не поддерживались левыми, либо поддерживались отчасти. Как отмечает уругвайский исследователь Хайме Яффе²⁶, в 1960-е гг. возникли серьезные идеологические разногласия между PSU и PCU, которые по-разному видели сущность демократизации. В частности, компартия была гораздо более активной в борьбе за традиционные либеральные ценности, чем социалисты. В целом отличия взглядов левых заключались в их оценках возможностей использования и реформирования существующих политических институтов.

Кризисные явления 1960-1970х гг. показали, что существует запрос на новые политические силы, новых лидеров, а электорат не всегда видит свое представительство в традиционных партиях. Отношение к парламентской работе, участию в официальных избирательных кампаниях, организованных государством, к возможности обращаться в суды и действовать в рамках существующего правового поля стали основой разобщения левых, которые в это время вновь претерпевали реструктуризацию: в Чили появилась и оформилась партия христианских демократов, в Уругвае сложились группы городской герильи («Тупамарос»), в Аргентине оформились маоистское, троцкистское движения²⁷. Все эти силы участвовали в борьбе с военными диктатурами, но, как было указано выше, делали это с разными целями и разными методами.

Например, в Уругвае именно PCU, занимавшая в период Коминтерна крайне резкую позицию в отношении эффективности традиционных политических институтов Уругвая, начала в 1960-е гг. активно участвовать в выборах, проводить активные

²⁶ Yaffé, 2018.

²⁷ Щелчков, 2020а.

избирательные кампании и оказалась, по оценкам историка А. Гарсе²⁸, основной левой партией страны, выиграв политическую конкуренцию у социалистов, занимавших в 1920-1930е гг. более выигрышные позиции.

В Аргентине в 1950-е гг. сложилось движение «хустисиализма», которое сочетало в себе как левые, так и правые идеи и заняло свою нишу в рабочем движении страны²⁹. В Чили компартия, выступавшая за создание Народного единства в 1969 г.³⁰, оказалась неспособна к эффективному политическому диалогу со своими соратниками, и возлагала ответственность за свержение президента Сальвадора Альенде на леворадикальные группы.

В этом контексте стоит отметить как сохранение традиций левого движения коминтерновского периода, так и появление новых вызовов и проблем. С одной стороны, в 1960-1970-е гг. произошел рост левого движения Латинской Америки, оформились новые, в том числе радикальные, группы, начавшие принимать активное участие в политическом процессе. Этот процесс усложнил диалог левых сил во всех странах континента, где, несмотря на объединительные проекты – Широкий фронт в Уругвае (1971 г.), Народное единство в Чили (1969), Единый фронт национального освобождения в Парагвае (1959 г.), – долгое время не удавалось добиться их системной работы. Традиция эпохи Коминтерна – стремление к созданию единых фронтов для борьбы с правительством при неспособности к реальному диалогу и совместной работе – сохранилась и в 1960-1970е гг. Появление новых сил в левом спектре политического поля не способствовал эффективному сотрудничеству и наоборот зачастую порождал все новые противоречия и внутреннюю конкуренцию.

С другой стороны, все левые силы региона так или иначе продолжали заложенную в период Коминтерна критику буржуазных и олигархических порядков, говорили о зависимости национальных правительств от иностранного капитала, настаивали

²⁸ Garcé, 2012.

²⁹ Строганова, 2009.

³⁰ Щелчков, 2020b.

вали на политическом и экономическом суверенитете, но одновременно с этим многие из них развивали тесные контакты с Москвой и КПСС, находясь в орбите советского влияния. Сохранял свою актуальность аграрный и профсоюзный вопросы, на реализации которых настаивал Коминтерн в 1930е гг.³¹. В то же время, критикуя традиционные политические силы и буржуазные правительства, многие левые начали активно участвовать в избирательном процессе. С одной стороны, происходило снижение радикальности традиционных левых партий, с другой – расширялось радикальное и ультралевое движение («Тупамарос» в Уругвае, «Действие за национальное освобождение» в Бразилии, «Левое революционное движение» в Чили и др.).

Двусмысленность позиций левых в борьбе с диктатурами хорошо видна на примере Уругвая. Лидер PCU Родней Аризмэнди отмечал³², что левые должны быстро реагировать на «формы борьбы, навязанные реакционными силами», быстро и организованно давать отпор, перехватывать инициативу и защищать демократические ценности, но при этом защищать народы от буржуазных сил, «понимать революционное будущее континента», избавляться от политических сил, действующих в интересах западных капиталов. Защищая демократию, левые Латинской Америки с одной стороны должны были готовиться к реализации революционного сценария, а с другой, бороться с реакцией за восстановление демократии. При этом, например, в программе PCU 1958 г. прямо указывалось³³ на континентальный характер революции, необходимость региональной солидарности и совместных действий левых сил, что также можно считать продолжением коминтерновских традиций.

Отчасти продолжением традиций Коминтерна в борьбе левых сил Латинской Америки с диктатурами было и влияние Москвы. К 1970-м гг. были восстановлены организационные связи между КПСС и компартиями Латинской Америки, установлены связи с социал-демократическими силами. Многие лидеры левого движения, подвергавшиеся преследованиям на ро-

³¹ Янчук, 2002. С. 146

³² Arismendi, 1962.

³³ PCU. Declaración Programática y Plataforma Política Inmediata, 1958.

дине, уезжали в Москву, где находились под опекой советского государства и получали помощь для продолжения революционной борьбы. Советские посольства в странах региона готовили отчеты о состоянии левого движения, о деятельности коммунистических и социалистических партий, развитии рабочих организаций.

Все названные выше факторы – объединительные проекты, развитие профсоюзов, деятельность радикальных групп, использование демократических институтов, помощь Москвы и левых сил других регионов – привели в 1980е гг. к победе коалиций над диктатурами, что позволило левым получить дополнительные политические очки и стать лицом гражданского сопротивления и демократизации.

Левые силы Латинской Америки в демократическом транзите новейшего времени

К началу XXI в. большинство стран латиноамериканского региона успешно встали на путь демократического развития, имеют развитые демократические институты и легитимные органы власти. В большинстве стран сохраняется сильное влияние левых сил, многие из которых впервые стали политическими победителями в период возврата к гражданскому управлению в к. 1980х гг. Несмотря на то, что «левый поворот», характерный для политического развития региона в первое десятилетие XXI в., показал важную роль и место современных левых в латиноамериканском обществе, надо отметить, что сам демократический транзит 1990-х гг. во многом проходил вне их влияния.

Одержав победу над военными режимами, коалиции, созданные для борьбы с ними, оказались в идеологическом тупике. Например, в Уругвае с 1984 г. наступил тотальный кризис левого движения³⁴, в ходе которого начался поиск партиями своего нового места в политической жизни. Плодами своей победы левые смогли воспользоваться лишь в Чили, где с 1990 г. президентами длительное время избирались представители со-

³⁴ Martínez, Ciganda, Olivari, 2012.

циал-демократических сил. В Уругвае с 1985 по 2005 г. у власти находились традиционные (правоцентристские) политические силы, в 1990-е гг. правые формировали правительства в Аргентине, Бразилии, Парагвае, Боливии.

Идеологический кризис к. 1980-х гг. в очередной раз привел левых к пониманию необходимости объединения. Восстановление демократических институтов не только открыло для партий, находившихся на протяжении десятилетий в подполье, новые возможности, но создало новые вызовы³⁵.

Следует отметить, что в к. XX в. наследие Коминтерна сохранилось лишь частично. С одной стороны, приход к власти правых сил, проводивших неолиберальный экономический курс, поставил перед левыми необходимость создания очередных объединительных проектов и платформ. В частности, в Уругвае для выборов 1994 г. был создан «Прогрессистский блок – Широкий фронт», куда вошли не только традиционные левые партии, но также левые профсоюзы, левые блоки традиционных партий³⁶. Новые формы объединения были характерны и для других стран региона. В целом, для проектов 1990-х гг. было характерно расширение сотрудничества левых партий с новыми левыми группами, расширение коалиций для достижения точечного электорального результата. Конкретные избирательные цели оказывались важнее идеологической близости.

Менялась и идеология левых сил, в частности, уругвайский политик Альберто Куриэль отмечал³⁷, что граница «правых» и «левых» размывается во всей Латинской Америке – на смену классическим левым партиям приходит левый популизм, компартии могут позволить себе размышлять о реформировании рынка и механизмах защиты частной собственности, а правые – о социальной справедливости.

Несмотря на то, что процесс демократизации и конституционного строительства шел во многих странах региона под управлением правых правительств, левые силы, будучи частью законодательных органов власти, работая с общественностью,

³⁵ Cleary, 2009.

³⁶ «El Otro Programa», 1999.

³⁷ Couriel, 2004. P. 17.

расширяя электоральную базу, принимали участие в процессах демократического транзита. Первый этап транзита – либерализация режимов³⁸ – не был характерен для Латинской Америки. Диктатуры 1970-1980х гг. не стремились к ослаблению своих позиций, систематически занимаясь подавлением общественного движения, включая левые силы. Их падение происходило стремительно, зачастую за несколько дней, что сразу приводило страны региона на второй этап транзита – строительство демократических институтов. Экономический кризис, в которых оказались военные диктатуры, подталкивал общество к поиску новых экономических стратегий, которые бы позволили в течение быстрого времени восстановить инвестиционный и потребительский уровень страны. Левые силы, программа которых на протяжении долгого времени строилась вокруг политической борьбы, оказались неспособны предложить внятную экономическую программу, создать позитивную повестку действий.

Распад СССР разрушил организационные связи с Москвой, что также подорвало идеологическую и ресурсную базу левого движения. Апелляции к советскому опыту оказывались несостоятельными, а переход советского государства к западной модели либеральной демократии не мог принести дополнительной поддержки латиноамериканским левым.

Упор Коминтерна на включение в партийную программу общерегиональной повестки взамен национальной оказался неактуальным. Разрушение руководящего центра, нанесло удар по идеям региональной солидарности и «континентальности». Левые оказались один на один перед правыми партиями в условиях торжества западной демократической модели и провозглашенного Ф. Фукуямой «конца истории».

Однако, итоги неолиберального десятилетия, экономические потрясения начала XXI в. вновь актуализировали левую идеологию, сделав возможным «левый поворот» в регионе³⁹.

³⁸ Баталов, 2013. С. 297.

³⁹ Perez Riedel, 2019.

Демократический транзит и демократизация – сложные многоэтапные процессы, которые не имеют общемировой модели и единого сценария. Страны Латинской Америки, Азии, страны постсоветского пространства, страны Восточной Европы по своему переживали возврат к демократической традиции и по своему восстанавливали демократические институты. Участие левых сил в процессах демократизации, создания или воссоздания демократических институтов берет свое начало в XX в., когда под влиянием Коминтерна, анархистских и социалистических международных организаций, левые силы региона активно участвовали в политических реформах, социальном реформировании, борьбе за политические и гражданские свободы. Активность левых, рост их влияния вынуждали традиционные партии и национальные правительства двигаться по пути демократизации, в том числе расширения избирательных прав, расширения возможностей для работы рабочих, молодежных, женских объединений. В период Коминтерна левые силы выступали в качестве внешнего фактора процессов модернизации в странах региона.

Эпоха Коминтерна показала возможности и проблемы левого движения, которые, несмотря на роспуск III Интернационала в 1943 г., сохранялись и в послевоенные годы. Модели объединения левых – тактики единого и народного фронтов, – разработанные Коминтерном для национальных секций в 1920-1930е гг. оказались актуальными для периода военных диктатур второй пол. XX в. При этом вызовы этих моделей – «сектантство» отдельных партий, внутренние противоречия, борьба за власть и влияние – так же оказались факторами партийно-политической работы левых сил в 1960-1970-е гг. Слабое отражение национальных проблем в программах компартий региона, характерное для эпохи Коминтерна, Китайская (1949 г.) и Кубинская (1959 г.) революции привели к появлению новых, более радикальных левых организаций, пересмотру идеологии латиноамериканских левых.

Левые силы стали центром борьбы за восстановление демократий в странах Латинской Америки в 1970-1980е гг. Опыт

эпохи Коминтерна позволил левым создать новые объединительные платформы, в работу которых включились как радикальные группы, так и отдельные политики, военные, рабочие, стремившиеся к реализации демократических целей и идеалов. Левые силы организовывали гражданское сопротивление, акции неповиновения, продолжая вести подпольную агитационную работу. Несмотря на то, что во многих странах региона падение диктатур было связано с расколом внутри элит и внутри военных, возвращение к гражданскому правлению стало важным политическим триумфом для левых сил.

Демократический транзит Латинской Америки в 1990е гг. проходил в условиях нахождения у власти правых сил, вынуждая левых искать новые формы сотрудничества. Латиноамериканские левые успешно использовали демократические институты для борьбы за власть, отказавшись от радикальных вооруженных действий. Имидж левых, сформированный в годы борьбы с диктатурами, стали одним из существенных факторов их прихода к власти в большинстве стран континента в начале XXI в.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- «El Otro Programa», Programa de Gobierno del Encuentro Progresista-Frente Amplio, octubre de 1999. Montevideo, 1999.
- Alarcón Puentes J.A.* Latin America on the democratic crossroad of a globalized world // *Opcion*, 2016, 32(80), pp. 226-243
- Arismendi R.* Problemas de una revolución continental. Montevideo: Pueblos Unidos, 1962.
- Campo J., Crowder-Taraborrelli T.* Media, Politics, and Democratization in Latin America // *Latin American Perspectives*, 2018, vol. 45, issue 3, pp. 4-15.
- Cleary M. R.* Leftovers: Tales of the Latin American Left // *Latin American Politics and Society*, 2009, vol. 51, issue 3, pp. 161-164.
- Couriel A.* La izquierda y el Uruguay del futuro. Ediciones de la Banda Oriental, 2004.
- De Giorgi A. L.* Las tribus de la izquierda en los sesenta: Tupas, latas y bolches. Montevideo: Fin de Siglo, 2011.

- Garcé A.* La política de la fe: apogeo, crisis y reconstrucción del PCU 1985-2012. Montevideo: Fin de Siglo, 2012.
- Gonzalez-Silen, O.* Latin America between authoritarianism and democratization 1930-2012 // *Bulletin Of Spanish Studies*, 2018, vol. 95, issue 4, pp. 373-374.
- Martínez F, Ciganda J. P., Olivari F.* Nos habíamos amado tanto?: crisis y peripecias de un partido. Montevideo: Editorial La Bicicleta, 2012.
- Nahum B.* Historia uruguaya. Tomo 6. 1905-1930. La época batllista. Montevideo: Ed. De la Banda Oriental, 1975.
- PCU. Declaración Programática y Plataforma Política Inmediata // *Estudios*, 1958, n. 10, pp. 95-111.
- Perez Riedel M. D.* Latin America since the Left Turn // *International Sociology*, 2019, vol. 34, issue 5, pp. 648-650.
- Yaffé J.* Comunismo y democracia em la Guerra Fría Latinoamericana: el caso de PC de Uruguay en los sesentas // *Revista Brasileira de História*, 2018, 38(79), pp. 217-237
- Андреев А. С.* Коммунистическая партия Уругвая и Коминтерн: проблемы формирования единого фронта (1922-1938) // *Клио*, 2014, № 12(96), сс. 24-29. Andreev A. S. Kommunisticheskaya partiya Urugvaya i Komintern: problemy formirovaniya edinogo fronta (1922-1938) // *Klio*, 2014, № 12(96), pp. 24-29 [The Communist Party of Uruguay and the Comintern: Problems of Forming a United Front (1922-1938)]
- Андреев А. С.* Читая «открытое письмо»: компартия Уругвая и Коминтерн в 1928-1931 гг. // *Клио*, 2015, № 4 (100), сс. 44-49. Andreev A. S. Chitaya «otkrytoe pis'mo»: kompartiya Urugvaya i Komintern v 1928-1931 gg. // *Klio*, 2015, № 4 (100), pp. 44-49. [Reading an "open letter": the Communist Party of Uruguay and the Comintern in 1928-1931]
- Баталов Э. Я.* Проблема демократии в американской политической мысли XX века (из истории политической философии современности). М.: Directmedia, 2013. Batalov E. Ya. Problema demokrati v amerikanskoj politicheskoi mysli KhKh veka (iz istorii politicheskoi filosofii sovremennosti). M.: Directmedia, 2013. [The Problem of Democracy in American Political Thought of the Twentieth Century (from the History of Modern

Political Philosophy)]

Ворожейкина Т. Государство и общество в России и Латинской Америке // *Общественные науки и современность*, 2001, № 6, сс. 5-26. Vorozheikina T. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii i Latinskoj Amerike // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2001, № 6, pp. 5-26. [State and society in Russia and Latin America]

Дьякова Л. В. Проблемы латиноамериканской демократии в интерпретации исследователей // *Мировая экономика и международные отношения*, 2016, том 60, № 3, сс. 101–109. D'yakova L. V. Problemy latinoamerikanskoj demokratii v interpretatsii issledovatelei // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2016, tom 60, № 3, pp. 101–109. [Problems of Latin American Democracy in the Interpretation of Researchers]

Иванов Н. С. Хосе Батлье-и-Ордоньес: либеральные реформы в Уругвае и позиции великих держав (1903-1915) // *Латиноамериканский исторический альманах*, 2017, № 18, сс. 95-119. Ivanov N. S. Khose Batl'e-i-Ordon'es: liberal'nye reformy v Urugvae i pozitsii velikikh derzhav (1903-1915) // *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*, 2017, № 18, pp. 95-119. [Jose Batle y Ordonez: liberal reforms in Uruguay and the positions of the great powers (1903-1915)]

Ивановский З. В. Бразильский демократический транзит: теоретические подходы и политическая практика // *Латинская Америка*, 2009, № 2, сс. 99-105. Ivanovskii Z. V. Brazil'skii demokraticeskii tranzit: teoreticheskie podkhody i politicheskaya praktika // *Latinskaya Amerika*, 2009, № 2, pp. 99-105. [Brazilian Democratic Transit: Theoretical Approaches and Political Practice]

Казakov В. П. Иполито Иригойен: президент-реформатор Аргентины (20-е годы XX века) // *Новая и новейшая история*. 2009, № 2, сс. 164 - 176. Kazakov V. P. Ipolitо Irigoien: prezident-reformator Argentiny (20-e gody XX veka) // *Novaya i noveishaya istoriya*. 2009, № 2, pp. 164 - 176. [Ipolitо Irigoien: President-Reformer of Argentina (20s of the XX century)]

Кудеярова Н. Ю. Парагвай: демократический транзит без передачи власти // *Латиноамериканский исторический альманах*,

- 2019, № 24, 188-210. Kudeyarova N. Yu. Paragvai: demokraticeskii tranzit bez peredachi vlasti // Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh, 2019, № 24, pp. 188-210. [Paraguay: Democratic Transit without Transfer of Power]
- Мельвил А. Ю.* Демократические транзиты, транзитологические теории и посткоммунистическая Россия // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. М.: МОНФ; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. Mel'vil' A. Yu. Demokraticheskie tranzity, tranzitologicheskie teorii i postkommunisticheskaya Rossiya // Politicheskaya nauka v Rossii: intellektual'nyi poisk i real'nost'. М.: МОНФ; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. [Democratic Transits, Transitological Theories and Post-Communist Russia]
- Строганова Е. Д.* Идеи социализма в Латинской Америке // Латинская Америка, 2009, № 12, сс. 43-59. Stroganova E. D. Idei sotsializma v Latinskoi Amerike // Latinskaya Amerika, 2009, № 12, pp. 43-59. [Ideas of socialism in Latin America]
- Хейфец В. Л.* «Левый поворот» компартии Мексики в конце 1920-х годов // Латинская Америка, 2017, № 6, сс. 62-80. Jeifets V. L. «Levyi povorot» kompartii Meksiki v kontse 1920-kh godov // Latinskaya Amerika, 2017, № 6, pp. 62-80. ["Left turn" of the Communist Party of Mexico in the late 1920s]
- Хейфец В. Л., Хейфец Л. С.* Латиноамериканские левые на пути к единому фронту в 30-е гг. XX в. // Латинская Америка, 2014, № 5, pp. 57-75. Jeifets V. L., Jeifets L. S. Latinoamerikanskii levye na puti k edinomu frontu v 30-e gg. XX v. // Latinskaya Amerika. 2014. № 5, pp. 57-75. [Latin American Left on the Way to a United Front in the 30s XX century.]
- Хейфец В. Л., Хейфец Л. С.* El impacto de la Comintern a las transformaciones de la izquierda colombiana en la década de los veinte // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2018, № 3 (67), p. 10. Jeifets V. L., Jeifets L. S. El impacto de la Comintern a las transformaciones de la izquierda colombiana en la década de los veinte // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya», 2018, № 3 (67), p. 10.
- Хейфец Л. С., Коновалова К. А.* Военно-гражданские отношения

- в Парагвае после диктатуры Альфредо Стресснера // Латинская Америка, 2017, № 8, сс. 36-47. Jeifets L. S., Konovalova K. A. Voenno-grazhdanskije otnosheniya v Paragvae posle diktatury Al'fredo Stressnera // Latinskaya Amerika, 2017, № 8, pp. 36-47. [Civil-military relations in Paraguay after the dictatorship of Alfredo Stroessner]
- Чумакова М.Л.* (отв. ред.), Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. Москва, ИЛА РАН, 2009. Chumakova M.L. (otv. red.), Latinskaya Amerika: ispytaniya demokratii. Vektory politicheskoi modernizatsii. Moskva, ILA RAN, 2009. [Latin America: Trials of Democracy. Vectors of political modernization]
- Шульговский А.Ф.* Мексика на крутом повороте своей истории. М.: Просвещение. 1967. Shul'govskii A.F. Meksika na krutom povorote svoei istorii. M.: Prosveshchenie. 1967. [Mexico is at a turning point in its history]
- Щелчков А.А.* Коммунистическое движение в Аргентине и китайско-советский раскол // Латинская Америка, 2020а, № 5, сс. 66-80. Shchelchkov A.A. Kommunisticheskoe dvizhenie v Argentine i kitaisko-sovetskii raskol // Latinskaya Amerika, 2020a, № 5, pp. 66-80. [The communist movement in Argentina and the Chinese-Soviet split]
- Щелчков А.А.* «Чилийский путь к социализму» и оппоненты слева: 60-е годы XX века. К 50-летию победы Народного единства в Чили // Латинская Америка, 2020b, № 11, сс. 82-95. Shchelchkov A.A. «Chiliiskii put' k sotsializmu» i opponenty sleva: 60-e gody KhKh veka. K 50-letiyu pobedy Narodnogo edinstva v Chili // Latinskaya Amerika, 2020b, № 11, pp. 82-95. ["Chilean Way to Socialism" and Opponents on the Left: 60s of the XX century. On the 50th anniversary of the victory of National Unity in Chile]
- Янчук И. И.* На пути к Народному фронту. Третья конференция латиноамериканских коммунистов 1934 г. // Латиноамериканский исторический альманах, 2002, № 3, сс. 151–180. Yanchuk I. I. Na puti k Narodnomu frontu. Tret'ya konferentsiya latinoamerikanskikh kommunistov 1934 g. // Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh, 2002, № 3, pp. 151–180. [On the way to

the Popular Front. The third conference of Latin American communists in 1934]